

МИРАНДА
НЕВИЛЛ

Рассудку
вопреки

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)
Н40

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Miranda Neville

CONFESSIONS FROM AN ARRANGED MARRIAGE

Перевод с английского Т. Дмитриевой

Компьютерный дизайн Г. Смирновой

Печатается с разрешения автора, издательства Harper Collins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Невилл, Миранда

Н40 Рассудку вопреки: роман / Миранда Невилл; пер. с англ. В.М. Феоклистовой. — Москва: АСТ, 2014. — 350, [2] с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-087198-8

Лорд Блейкни вовсе не планировал предаваться тихим радостям семейной жизни — наоборот, по возвращении в Лондон после двухлетнего отсутствия он собирался вдоволь повеселиться с легкомысленными куртизанками.

Умная, независимая Минерва Монтроуз никогда не стремилась замуж, а тем более выходить за никчемного на ее взгляд повесу вроде Блейкни.

Но увы! Маленькое недоразумение на балу — и репутация Минервы безнадежно скомпрометирована, а Блейкни теперь обязан жениться на «погубленной» им девушке.

Конечно, свадьба еще не конец света — умные люди всегда сумеют сохранить свободу в браке.

Однако планы Минервы и ее законного супруга трещат по швам, когда в игру вмешивается не признающая ни договоренностей, ни доводов рассудка пылкая страсть...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Miranda Neville, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава 1

Лондон, весна 1822 года

Лорда Блейкни не было в бальном зале. Его вообще не было в здании, но окажись он даже на корабле, направлявшемся в Америку, Минерву Монтроуз это бы несколько не огорчило.

Когда дворецкий с непроницаемым выражением лица сообщил мисс Монтроуз, что его светлость нигде не могут отыскать, это мало удивило девушку. Если бы ее попросили назвать двух самых ненадежных в этом мире людей, маркиз Блейкни оказался бы первым в этом списке.

Не имело значения, что бал проходил в Вандерлин-Хаусе, лондонском особняке герцога и герцогини Хэмптон, а давали его по случаю официального представления свету Минервы Монтроуз. И уж конечно, не имело никакого значения, что Блейкни, единственный сын и наследник герцога, должен был вместе с ней открывать этот бал. Минерва слишком хорошо знала о необязательности молодого джентльмена, поэтому не огорчалась. Да и потеря партнера, один вид которого поверг бы в пучину зависти других дебютанток, не особенно расстроил ее.

— Думаю, Блейкни уже не появится.

Взгляд зятя Минервы, виконта Айверли, был исполнен такой искренней печали, что девушка невольно улыбнулась.

— Должно быть, ты впервые сожалеешь о его отсутствии, — заметила она.

— Я был бы просто счастлив никогда его больше не видеть.

— Хотя я не видела Блейкни уже почти два года, не думаю, что он изменился за это время.

Себастьян презрительно фыркнул:

— Должен заметить, уже в десять лет он был довольно заносчивым ослом с необоснованно высокой самооценкой, а впоследствии не изменился к лучшему. Он глупец, не способный произвести на свет ни единой стоящей мысли.

— Герцог и герцогиня умные люди. Как они воспитали такого сына?

— Возможно, нянька в детстве уронила его и он ударился головой.

Вражда Себастьяна с кузеном уходила корнями в их детство, и благосклонность Дианы, сестры Минервы, к старому сопернику лишь усиливала неприязнь Блейкни. Минерва обожала своего зятя и разделяла его мнение относительно умственных способностей Блейкни. В другое время парочка с удовольствием занялась бы веселым перечислением многочисленных недостатков последнего, однако сейчас Себастьяна занимала другая мысль.

— Как ты думаешь, наверное, я должен буду танцевать с тобой вместо него?

Минерва удержалась от побуждения поддразнить молодого человека, балансирующего на грани отчаяния.

— Только если не удастся найти мне другого партнера, желательно здоровомыслящего и способного поддерживать разумную беседу. Блейкни, случись ему все же появиться, к несчастью, не обладает данными качествами.

Тоскливый взгляд Себастьяна вспыхнул.

— Член парламента от Грестлуика, полагаю. Интересно, этот парень понимает, что ты собираешься окрутить

его и независимо от его собственных устремлений превратить в успешного государственного мужа?

Минерва опустила глаза с самым скромным видом, который, впрочем, не мог провести никого, кто знал ее достаточно хорошо.

— Мистер Паркс, если я не ошибаюсь, хочет стать премьер-министром, а я как раз могу этому поспособствовать.

— Что ж, удачи ему. А который из них?

Вечер только начинался, и бальный зал заполнился лишь наполовину. Присутствовали в основном начинающие политики, горевшие желанием доставить удовольствие герцогу, светские же модники предпочитали помодному опаздывать. Равнодушно окинув взором наряды дам, Минерва выискала взглядом кучку поглощенных беседой джентльменов, стоявших подле ионических колонн, отделявших переднюю часть залы.

— Вон там, — указала она.

— Приземистый юноша с волосами песочного цвета?

— Я бы назвала их светло-каштановыми. Уж от тебя-то, Себастьян, я ожидала, что ты по достоинству оценишь человека, который культивирует в себе ум, а не внешность.

— Верю тебе на слово, что этот парень образец учености, но в данный момент он впечатлил бы меня, если бы подошел и пригласил тебя на первый танец.

— Он этого не сделает, поскольку уже ангажировал меня на второй.

Себастьян посмотрел на Миранду, его беспокойство не скрывали даже стекла очков.

— С кем же ты тогда будешь танцевать? Ты же не можешь просидеть первый танец на этом злосчастном балу, который дается в твою честь.

— Злосчастном? Если бы Диана не ждала прибавления, ты бы сам давал этот бал.

— Не напоминай мне.

— С твоей стороны было очень великодушно приехать из самого Кента, чтобы поддержать меня.

— Это Диана меня заставила, — буркнул Себастьян. Кроме того, она велела мне разузнать о последних веяниях моды. Ну как, черт побери, я с этим справлюсь? А теперь, похоже, мне еще и танцевать придется.

Минерва с шутливо преувеличенным сочувствием дотронулась до его руки.

— Бедный Себастьян. Но и меня можно пожалеть. Я бы предпочла беседовать со всеми этими членами парламента, а не открывать бал. Приободрись. Вот идет герцогиня. Возможно, она уже нашла мне партнера.

Девушка крепче схватила его за руку, не оставляя шансов на побег.

Хозяйка бала, надменная герцогиня Хэмптон, шелестя элегантным платьем изумрудного цвета, приблизилась к ним.

— Мне очень жаль, мисс Монтроуз, — сказала она. — Похоже, мой сын забыл о своем обязательстве. — Только крепко поджатые губы и большая, чем обычно, холодность в ее голосе выдавали степень недовольства дамы, но Минерва не сомневалась, что герцогиня, возмущенная неучтивостью Блейкни, едва сдерживает гнев. — Что ж, я думаю, все будет выглядеть вполне прилично, если на первый танец вы выйдете с другим членом нашей семьи. К сожалению, здоровье герцога не позволяет ему танцевать. — Ее взгляд остановился на племяннике мужа. — Айверли, ты должен взять на себя обязанности хозяина.

— Мне хочется убить Блейкни, — пробормотал Себастьян, ведя партнершу в центр зала. — И в этом нет ничего странного.

— Не беспокойся, — подбодрила его Минерва, — это всего лишь танец, а не пытка.

Благополучно пережив первый танец, Себастьян неторопливо направился к столу с прохладительными на-

питками, давая понять, что не намерен возвращаться на танцевальный паркет. Минерва готова была разделить его нелюбовь к танцам, правда, совсем по иной причине. Танцевала она прекрасно, но во время контрданса, на который ее пригласил мистер Томас Паркс, им не удалось перекинуться даже парой слов. Стоя в ряду напротив, она имела прекрасную возможность оценить приятную внешность молодого человека, которого давно уже выбрала в качестве потенциального мужа, ориентируясь на газетные заметки о его многообещающей карьере. Роста он был среднего, но выше ее на два или три дюйма, и только такой высокий мужчина, как лорд Айверли, мог назвать мистера Паркса приземистым. Плотного телосложения, но не склонный к полноте, молодой политик был облачен в вечерний костюм, отличавшийся сдержанной элегантностью. «Песочные волосы», обрамлявшие умное лицо, были густыми, хорошо подстриженными и тщательно причесанными.

Обладая весьма скромным жизненным опытом, Минерва тем не менее знала, что красивые мужчины склонны к высокомерию и эгоизму. И это было одной из причин, по которым мысли о лорде Блейкни не туманили ее разум.

Мистер Паркс в свою очередь окинул ее внимательным взглядом и одобрительно улыбнулся. Как часто говорила ей Диана, мужчины чрезвычайно поверхностно судят о человеческих качествах женщины. В первую очередь на них производит впечатление эффектная внешность. Минерва всегда предпочитала, чтобы окружающие прежде всего ценили ее разум, однако, будучи реалисткой, понимала, что, поскольку свет находит ее хорошенькой, она должна дарить окружающим улыбки, в том числе и мистеру Парксу. И все же Минерва искренне надеялась, что молодого человека привлекает не только ее обаяние, но и ум и характер. Поэтому она уже не раз задумывалась, как скоро ей ждать официального предложения. Ей очень

хотелось решить вопрос замужества до конца этого сезона. В самом скором времени, точнее, в течение нескольких следующих месяцев, велика была вероятность смены правительства, а значит, совсем скоро мистер Паркс окажется в нервную суету выборов. А это событие Минерва намеревалась встретить уже в качестве миссис Паркс.

Танец закончился, и молодой человек предложил ей руку, чтобы сопроводить обратно к леди Чейз, которая в отсутствие Дианы выполняла обязанности наставницы Минервы. Ее готовый сорваться с губ вопрос относительно ситуации в Ирландии умер, так и не прозвучав, ибо внимание мистера Паркса, впрочем, как и всех остальных гостей, внезапно обратилось ко входу. Через высокую двустворчатую дверь парадного входа в зал нетвердой походкой вошел джентльмен и тут же слегка поскользнулся на отполированном паркетном полу. Стоя от вошедшего всего в двадцати футах, Минерва отлично видела, как только что прибывший гость, стараясь сохранить равновесие, ухватился за плечо полногрудой дамы, которая так и застыла с распахнутым от возмущения ртом. Невозмутимо оттолкнувшись от дебелий матроны, джентльмен, не найдя иной опоры, небрежно прислонился к декоративному пилястру и хмуро оглядел присутствующих.

Он, как всегда, был великолепен. Прядь темно-русых, отливавших золотом волос нависала над густыми бровями. Трудно было найти более совершенной лепки нос и более тонко, но мужественно очерченные скулы. Полные, прекрасной формы чувственные губы были капризно надуты и полностью соответствовали выражению его темно-синих глаз.

Он всегда был чертовски красив, однако, увидев запоздалого гостя, Минерва едва не вздрогнула от отвращения.

Прибыл лорд Блейкни.

Осмотревшись еще раз, он задержал свой взгляд на ней. Его губы изогнулись в саркастической полуулыбке,

и их взгляды скрестились с выражением взаимного не-удовольствия. Блейкни с некоторым трудом оторвал спину от стены и вальяжной походкой подошел к девушке.

— Полагаю, это наш танец, мисс Монтроуз.

Он ничутьючки не изменился.

У Минервы возникло сильнейшее желание хлестнуть веером по этой самонадеянной физиономии.

— Лорд Блейкни, — произнесла она, с трудом сохраняя видимость учтивости, — полагаю, наш танец закончился уже более получаса назад.

— Не имеет значения, этот тоже подойдет.

— Милорд. — Мистер Паркс предвосхитил ее реплику, с коротким поклоном обратившись к Блейкни.

— Я вас знаю? — спросил тот, обернувшись.

— На прошлой неделе его светлость представил нас друг другу в «Бруксе».

— Ах да, припоминаю.

Явная ложь. Вряд ли его заинтересовал человек, с которым он не мог сойтись в фехтовальном поединке или на конных состязаниях. В подтверждение этой мысли Блейкни больше не обращал внимания на члена парламента от Гристлуика, а с преувеличенным вниманием начал прислушиваться к музыкантам, настраивавшим инструменты.

— Полагаю, намечается вальс. — Он предложил ей руку. — Пусть не говорят, что я пренебрегаю семейными обязательствами.

Изогнув губы в милой улыбке, Минерва процедила сквозь стиснутые зубы:

— Уверяю вас, милорд, у вас нет передо мной никаких обязательств. Мы состоим в настолько отдаленном родстве, что им легко можно пренебречь.

Любому стороннему наблюдателю могло показаться, будто девушка смотрела на Блейкни если не с восхищением, то с откровенной приязнью, и никто не заметил,

как Минерва с сожалением взглянула на Паркса, который, коротко извинившись, оставил пару и с несколько преувеличенной деловитостью направился к группе джентльменов, окруживших министра внутренних дел.

Блейкни прищурился:

— Я имел в виду мои обязательства перед герцогом и герцогиней. Моими почтенными родителями и хозяевами этого бала.

Итак, он не потрудился даже притвориться учтивым. Хорошо.

Возможно, со времени их последней встречи манеры Блейкни не изменились к лучшему, но теперь, когда он стоял совсем близко, Минерва, к своему удивлению, обнаружила пока еще малозаметные изменения в его внешности. Он несколько постарел за то время, пока она жила в Вене, а Блейкни — в Девонском поместье Вандерлинов. «Постарел», вероятно, не совсем точное слово — ему было всего двадцать девять или тридцать, — но он более не производил впечатления того цветущего юноши, который в свое время ухаживал за Дианой. Теперь Минерва отметила не только тонкую паутинку морщинок в уголках глаз, но и небрежно повязанный галстук и чуть длинноватые влажные волосы, ниспадавшие на высокий воротник белоснежной сорочки. Похоже, Блейкни давно не заглядывал к цирюльнику. А ведь еще совсем недавно его внешность была безупречна. Когда он предложил ей руку, Минерва уловила свежий аромат вербенового мыла, обильно сдобренный запахом бренди.

Она все же попыталась создать хоть какую-то иллюзию беседы с этим олухом.

— Мне довелось танцевать предыдущий танец с мистером Парксом. Это истинный джентльмен с блестящим будущим. Кажется, ваш батюшка о нем весьма высокого мнения.

Блейкни повел ее в танце чуть энергичнее, чем того требовала музыка, и едва не сбился с ритма. Улыбнув-

шись, Минерва с удовлетворением отметила, что ее реплика явно раздосадовала партнера.

Он моментально исправился, едва заметно напрягши руку, тепло которой она ощущала даже сквозь плотный шелк платья. Танцевал Блейкни великолепно, неохотно признала Минерва, и это несмотря на то что был явно навеселе. На его левой скуле она разглядела крохотный участок небрежно выбритой кожи: похоже, Блейкни брился самостоятельно. Конечно, заметить подобную небрежность можно было, только танцуя вальс, в котором партнеры находятся не более чем в футах друг от друга.

— Вероятно, ваш камердинер не совсем здоров, а может, вы просто были не дома, когда переодевались к вечеру?

Дерзкий вопрос, граничивший с бестактностью, но в Блейкни всегда было нечто такое, от чего она теряла самообладание и начинала вести себя подобно невежественной дикарке.

Его губы изогнулись в порочной усмешке, а в глазах мелькнули злые искорки.

— Раз уж вы спрашиваете, мисс Монтроуз, я был на Генриетта-стрит в доме мадемуазель Дезире де Бонамур. — Он произнес эти слова, буравя ее насмешливым взглядом. По спине Минервы пробежал легкий холодок; отчего-то спокойный тон Блейкни совершенно не сочетался с его глубоким баритоном.

— Весьма гостеприимная дама. Когда я понял, что опаздываю, то ради экономии времени решил принять ванну вместе с ней.

Почувствовав, как краска заливает ее лицо, Минерва разозлилась на себя и едва не потеряла самообладание. Ее ни в малейшей степени не интересовала эта француженка, которую свет негласно провозгласил первой красавицей Лондона.

— Полагаю, упомянув о своей любовнице, вы пытаетесь смутить меня, — сказала Минерва.

— Ни в коей мере, — спокойно ответил Блейкни, — просто хотел напомнить, что у меня есть более интересные занятия, чем потворствовать желаниям честолюбивой мисс.

— Тогда мы вполне сходимся во взглядах, — парировала Минерва. — У меня есть более достойные объекты внимания, чем испорченный бездельник без единой мысли в голове, не интересующийся ничем, кроме развлечений и охоты. — И одарила его милой и совершенно неискренней улыбкой.

— Охоты? Мисс Монтроуз, я сейчас думаю вовсе не об охоте.

Минерва не вполне поняла, что означала последняя реплика. Выросшая с четырьмя братьями, Минерва научилась успешно провоцировать вспышки гнева. Улыбка, которой она только что одарила Блейкни, могла довести любого из молодых Монтроузов до бешенства.

Она пристально вглядывалась в лицо своего визави, чтобы успеть погасить возможное проявление несдержанности.

— Мне не хотелось бы чрезмерно напрягать ваши мыслительные возможности, лорд Блейкни. Я умолкаю и намереваюсь молчать, пока мы не закончим этот тур вальса.

— Этим вы чрезвычайно меня обяжете, мисс Монтроуз, — усмехнувшись, прошипел Блейкни.

Потребовалась вся ее немалая сила воли, чтобы сохранить притворную самодовольную улыбку на лице и держать свои каблучки подальше от его туфель. Минерва уже не раз едва удерживалась от соблазна наступить на ногу этому грубияну. Она могла бы это сделать, совершенно случайно разумеется, если бы не понимала, что ее бальные туфельки из мягчайшего атласа вряд ли причинят ощутимую боль этому неуклюжему хлыщу. Ну ладно, не совсем неуклюжему. Даже будучи навеселе, Блейк двинулся легко и непринужденно, и, кроме того первого

промаха, ничто больше не свидетельствовало о его состоянии. Он улыбался так широко и открыто, что со стороны казалось, будто пара искренне наслаждается танцем, пребывая в полном и обоюдном согласии.

Они закончили танец, не обменявшись более ни единым словом.

Глава 2

— Блейк, старина.

Хорошо знакомая и совершенно нежелательная фигура преградила ему путь.

Вечер был окончательно испорчен. Мало того что ему пришлось посетить бал в доме родителей и танцевать с самой несносной особой из всех, кого ему доводилось знать; хуже того — он опоздал на этот проклятый бал, который его матушка давала как раз в честь этой самой особы. Ему было безразлично, что Минерва Монтроуз слыла самой прелестной дебютанткой Лондона. Его не интересовали дебютантки, а самое главное — совершенно не интересовала Минерва. Эта девица была для него источником постоянного раздражения, еще когда он ухаживал за ее сестрой. И когда Диана предпочла ему чертова Себастьяна Айверли, Блейкни утешился тем, что Минерва, к счастью, не станет его свояченицей.

И теперь еще это. И именно в тот момент, когда он оказался в относительной безопасности буфетной, собираясь принять стаканчик-другой горячительного в дополнение к тому бренди, который выпил у Дезире. Не вставая из-за стола, Блейк снизу вверх взглянул на своего врага, едва сдерживаясь, чтобы ударом кулака не размазать эти ангельские черты по ближайшей колонне.

— Хантли, — пробормотал он и холодно кивнул.

— Как дела, Блейк?

Не отвечая, Блейкни обернулся, взглядом отыскал лакея с подносом, подал тому знак и мимоходом отметил, что в буфетной комнате было слишком много гостей, жаждущих освежиться, и Блейк не мог ударить негодяя, не привлекая внимания.

— Даже не пожмешь руку старому школьному приятелю?

Блейк взял с подноса бокал и скривил губы в неопределенной гримасе. Хорошо, что руки у него заняты. Он боялся даже говорить, так как голос мог его выдать.

Хантли улыбнулся своей простодушной улыбкой, очаровавшей многих, но только не Блейка.

— Рад тебя видеть. Тебя так долго не было в городе. Два года, не так ли? Твои друзья по тебе скучали.

— Неужели?

— Ты мог бы сообщить мне о своем возвращении.

— Чего ради?

— Понимаю, Блейк, ибо знаю, ты терпеть не можешь писать письма. Полагаю, со времен Итона твой почерк не улучшился.

— Именно поэтому ты был настолько любезен, подписывая от моего имени долговые расписки?

— Всегда готов помочь лучшему другу.

Словно ледяной ветер обжег сердце Блейка. Ему никогда не отвязаться от «своего старого школьного друга». Свой секрет он доверил мальчику, и вот уже взрослый мужчина доказал ему, как глупо полагаться на другого человека. Блейк сделал глоток вина и внимательно оглядел бывшего приятеля, чей вид производил лучшее впечатление, чем когда они встречались в последний раз. Хантли стал солиднее и явно одевался у хорошего портного. Впрочем, что же тут странного? Дела у этого пройдохи, без сомнения, шли неплохо.

— Чего ты хочешь, Хантли?

В ответ на этот несколько грубоватый вопрос старый знакомый жизнерадостно улыбнулся:

— Да ничего. Просто хотел бы возобновить нашу дружбу, поднять стаканчик, вспомнить старые добрые дни. Помнится, тогда ты называл меня Джеффри.

— Все меняется, Хантли.

— В школе ты не был таким заносчивым. В то время герцогский титул твоего отца не имел значения. Конечно, ведь ты во мне нуждался.

Интересно, почему во времена их школьной дружбы он никогда не замечал, что Хантли отъявленный лицемер? Если бы тогда он был чуть проницательнее, то давно бы понял, насколько непорядочен этот человек.

— Думаю, я более чем сполна расплатился за прежние одолжения, — ответил Блейк. — Что ты делаешь в доме моего отца?

— Меня пригласили. Разве ты не слышал? На дополнительных выборах в Уэстборо меня выдвинули в депутаты парламента. Я вхожу во фракцию герцога.

Если Хантли сумеет втереться в окружение герцога Хэмптона, Блейку никогда не удастся избавиться от этого мелкого паразита. Кроме того, даже минимальная степень доверия герцога к этому типу способна привести к несчастью.

Внешность Хантли располагала к доверию, но Блейка эти невинные округлые черты только раздражали. Хантли догадывался, что Блейкни нервничает, и делал все, чтобы он нервничал еще больше. Но Блейк решил разочаровать его, во всяком случае в данный момент.

— Прошу меня извинить. У меня договоренность на следующей танец.

— Понимаю. Тебя вновь призывает улыбка красавицы Монтроуз, а может, какой-то другой прелестницы?

Не удостоив его ответом, Блейк повернулся к мерзавцу спиной и направился к выходу.

— Приятно провести время, — бросил вдогонку Хантли. — Я пока побуду здесь.